

WEIRD SISTERS

фемзин

Выпуск № 1: FAQ сексиста

Бишкек
Август 2014

**Хотят ли феминистки,
чтобы женщины
служили в армии?**

WEIRD SISTERS

фемзин

Выпуск № 1: FAQ сексиста

Weird Sisters – ведьмы-пророчицы из шекспировского «Макбета», обладающие неопределенной гендерной идентичностью. В современных интерпретациях классической пьесы встречается вариант «Queer Sisters».

*...не похожи на жильцов земли,
Хоть и стоят на ней. - Вы люди? Можно
Вас вопрошать? Вам речь моя понятна,
Раз каждая подносит черствый палец
К сухим губам. Я счел бы вас за женщин,
Но отчего же бороды у вас?*

Макбет. Перевод М. Лозинского

СВЯТАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Беспальто / Оксана Шаталова	8
Хотят ли феминистки, чтобы женщины служили в армии? / Мохира Суяркулова	19
Визуальный комментарий: Женский подвиг (по материалам журнала «Работница» 70-х гг.) /WeirdSister	30
Внутренняя мизогиния и внутренний сексизм. Часть 1 / Айканыш Абылова	34
Выкройка номера /WeirdSister	42

Обложка и другие рисунки: Айканыш Абылова

Редактура: Оксана Шаталова

Дизайн и вёрстка: Самат Мамбетшаев

Техподдержка: Диана Ухина

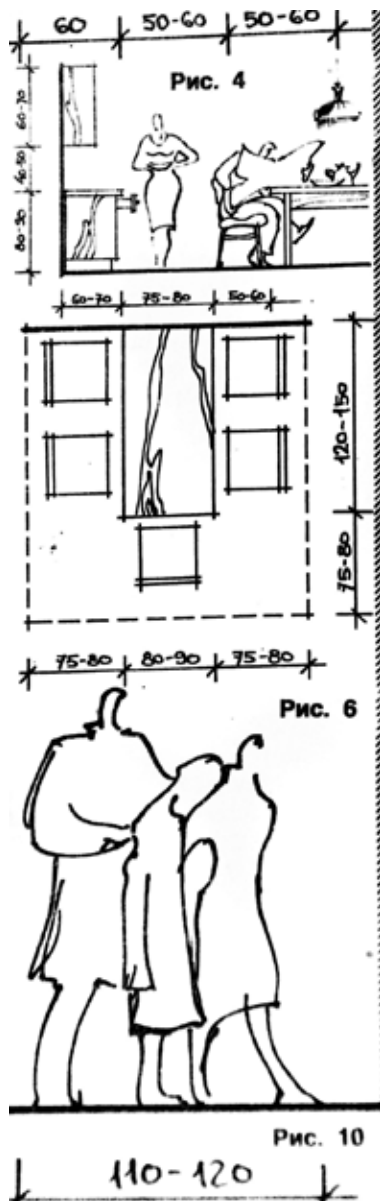
Феминистки говорят: эмпауэрмент? Но ведь сами женщины мечтают быть слабыми и обожают, чтобы им подавали пальто и руку из трамвая.

Феминистки критикуют «женский» труд? Ну так пусть остаются с мужским: таскают тяжелые сумки и двигают мебель.

Феминистки хотят равенства? Значит, им пора в армию!

Вам кажется, что эта «аргументация» – из древних анекдотов, и живые люди произносить такие фанерные тезисы не способны? Ошибаетесь. Это современный, последнего поколения, медиа-арсенал сексистов. Аргументация, как видите, не блещет умом (почему-то защитники тезиса о мужском интеллектуальном превосходстве собственным примером этот тезис не подтверждают), но воспроизводится часто и необыкновенно упорно. Конечно, стоит беречь прану и просто игнорить слюнявых троллей, но один раз, для небесполезного разнообразия, можно и поразмышлять на предложенные ими темы. Наша оперативная феминистская группа попыталась дать ответы на вечные сексистские вопросы.

W. S.

Эта и следующие три иллюстрации – из журнала «Работница» (№№ 4,6, 1990), где эта графика оформляла «нейтральные» материалы об эргономике и моде.

БЕСПАЛЬТО

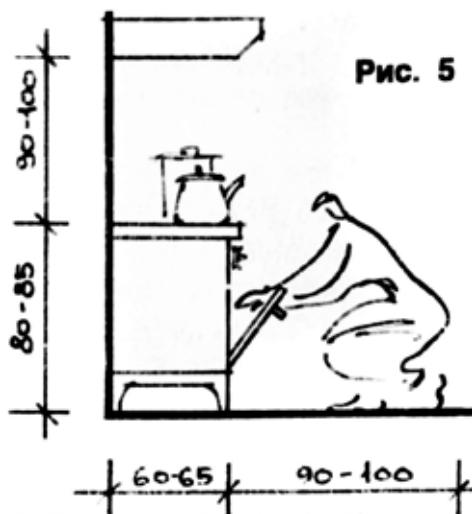
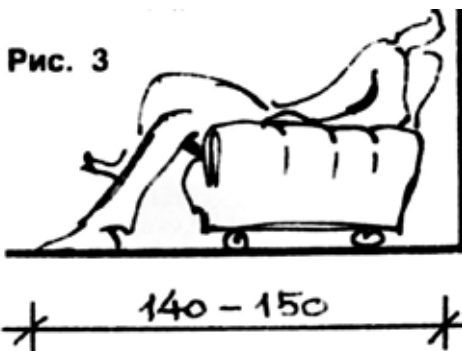
Оксана Шаталова

А как же подавание одежды в гардеробе, целование рук, придерживание дверей?

Из-за феминизма женщины теряют тонны счастья!

Комплекс мизогинии завернут в блестящую обертку под названием «институт галантного этикета», несущий несколько патриархат-консервирующих функций. Во-первых, это *программирующая* функция. Институт галантности, при всей внешней слащавости, задает жесткий сценарий гендерных отношений. На базе концептов «рыцаря» (<http://www.owl.ru/gender/147.htm>) и «джентльмена» (<http://www.owl.ru/gender/o62.htm>) выводится якобы лучший вариант отношений между мужчиной и женщиной. Это известный демагогический прием ложной альтернативы: модель отношений «галантный попечитель / благодарная подопечная» в патриархатном этосе задан как полюс добра, в буквальном смысле *предел мечтаний*. Любой другой вариант (например, равноправное партнерство) – по умолчанию хуже.

Программирующую функцию можно также назвать *аффирмативной*: задается ценностная планка, выше или мимо которой мечтать запрещено. Подобной непререкаемой ценностью наделена также «традиционная», или «полная» (парная, гетеросексуальная, детская, совместно проживающая) семья, единственная одобряемая патриархатом форма совместности. Исследования, демонстрирующие, что семья – благодатная почва психологического и физического насилия (по некоторым данным, больше половины умышленных убийств обусловлены семейно-бытовыми причинами), да и обычная эмпирика «семейных проблем», воспринимаются как несущественные отклонения от идеала. Люди больше верят имиджу (улыбающиеся папа – мама – двое разнополых ребятишек на фоне домика и авто), чем своим глазам и опыту. Реальное положение дел никого не интересует. Семья имеет презумпцию непогрешимости, – как жена цезаря, она вне подозрений. Это предзаданный идеал любви и счастья, а насилие мужей над женами и родителей над детьми – принимай они хоть 100-процентный вид – в общественном сознании не ставят под сомнение эту идеальность и безальтернативность.

Подобный эталон являет и институт галантности. Семья – сфера близких отношений, галантный же комплекс шире, он выходит за частные рамки, распространяясь на незнакомок/незнакомцев. Это высокий стандарт отношения всех мужчин ко всем женщинам (именно в такой

грамматической конфигурации), – покровительство всех мужчин над всеми женщинами, однако аккуратное и церемонное, обусловленное не только межгендерными конвенциями, но и внутригендерным кодексом. Галантное покровительство тонко балансирует между: маскулинной претензией на женщину как на оберегаемую собственность и опасением покуситься на собственность другого (галантное поведение допустимо и со своей любовницей, и с чужой женой).

Галантный мир, как и семья в ее мыслимом идеальном формате, предельно гармоничен, лишен конфликтов и противоречий. Там нет насилия и грубости – только нежные улыбки, поклоны, розы в петлицах, меха. Все довольны: джентльмен – гигант гардероба, леди – хрупкие плечики. Это витрина патриархата, его розовый фантазм. Побои, изнасилования, шулки про тупую пизду, «ябвдул» и «самадуравиновата», – которыми набиты онлайн и офлайн, – как бы не имеют к этому сиропу никакого отношения. Здесь к *аффирмативной* функции примыкает *компенсаторная*: галантный мираж призван облагородить и брендировать патриархатное статус-кво, привязать к мусорке бантик. Одного без другого не бывает. Цветы на 8 марта и тычок в зубы от мужа

– следствия единого идейного комплекса, представляющего женщину как объект руководства, – до такой степени недееспособный, что она даже одеться не может самостоятельно. То есть общество символически помещает женщину на уровень движимого имущества:

– Помни, что сама по себе, «по модулю», ты ничто – держись за мужскую ладонь, не то свалишься с трамвая. Можно бить бабу по ебалу, можно подавать мантию и украшать фиалками – кукла все стерпит, на то она и недвижимый объект. Так что цени благодушие покровителей, готовых ради тебя на подвиги геракла – придержать дверь (наверное, вне галантного канона надо было заехать этой дверью тебе по носу?), подать руку из автобуса (которую ты не смеешь игнорировать, – джентльмен может оскорбиться и справедливо назвать тебя сухой) или надеть на тебя верхнюю одежду (навязанный тактильный контакт – часто утомительно неумелый, когда почти невозможно попасть рукой в рукав, иногда – просто форма харрасмента).

Объясняется вся эта галантерея, как известно, любовью и почтением к женщине. Но почему-то любовь обязательно предполагает патриархатную субординацию. Кто запрещает проявлять уважение, чуткость и внимание в равноправных субъектно-субъектных отношениях, без деления на априорных опекунов и воспитанниц? Не отменяет феминизм и повседневной вежливости: придержать дверь перед тем, кто идет вслед за тобой – очевидность, не нуждающаяся для своей легитимации в культе прекрасной дамы.

Откуда вообще берутся эти попытки напугать женщин отказом всех мужчин от всех добрых чувств/поступков под угрозой демонтажа патриархата? Очевидный рессентимент и защита гендерных привилегий. Анти-феминистские выпады демонстрируют святую веру сексистов в то, что для женщин галантный комплекс имеет большую ценность, чем для мужчин (логично – компенсаторная функция работает в основном для женщин), и это бесценное сокровище выступает гарантом патриархата.

Заметьте, что самих феминисток «проблема пальто» не интересует, это исключительно сексистский патентованный аргумент. Стоит феминисткам заговорить об асимметрии оплаты труда, о «культуре изнасилования», о репродуктивном принуждении, о сексуальной

объективации – сексисты кричат в ответ: «Может, все не так уж плохо? Ведь все уравнивается любовью!», – предъявляя любимый козырь пальто/двери/счета в кафе: «Женщины любят, чтобы их одевали! Они не пойдут раздетыми на мороз!». Таким образом, подтверждая, что галантный этикет есть условие контракта – символическая компенсация и рутинности изнасилований, и стеклянного потолка, и абьюза, и прочих традиционных ценностей. Вот и вся любовь. «Любовь» – вообще безотказный адвокат насилия, – достаточно вспомнить бессмертное «бьет – значит любит».

Впрочем, алиби действительно работает. «Кульť прекрасной дамы», при всей его призрачности, играет значительную роль в оправдании патриархата. Переключение на режим фантазма – иногда единственный способ существования в ситуации длящейся травмы/репрессии.

А как же ношение сумок с кирпичами и мешков с углем, передвигание диванов и мельничных жерновов? Еще и армия, в конце концов?

Из-за феминизма женщины обретают тонны скорбей и грузов!

Еще одна излюбленная риторическая фигура сексистов: да, мужчина рулит (по праву сильного), но он же и берет на себя самые тяжкие обязанности. Женщину патриархат оберегает от трудов и дум, она – цветок в оранжерее. А настоящий мужчина каторжно трудится – таскает многотонные мешки, вкручивает 1000-ваттные лампы, кормит с рук семью. И плакать ему нельзя, – разрешена лишь скупая слеза раз в год на День танкиста.

Здесь сексисты вновь опровергают ими же самими придуманный тезис. Феминизм – по крайней мере, многие его направления – не

предлагает поменять местами «мужскую» и «женскую» работу, – но снять гендерную маркировку труда. Труд надо делить не по принципу «предназначения», а по принципу взаимответственности, навыков, возможностей и здравого смысла. Причем тут пол/гендер? Если идут двое мужчин, и один из них несет тяжелые сумки, второй ему не поможет? Писк сексистов – «Ах, вы феминистки?! Ну и носите сумки сами!» – не может быть расценен иначе, как попытка инфантильного шантажа, причем сомнительного (вряд ли оппоненты всё свободное от фейсбука время передвигают мешки с цементом). Не все мужчины – гераклы, не все женщины – дюймовочки. Физическая сила у всех разная, и стоит тут исходить из возможностей индивида, а не из гендерных допущений.

К тому же мы живем не во времена натурального хозяйства. Физическая сила сейчас не является критически важной для выживания/ профессионального успеха. В ответ на последний тезис можно сказать: «Спасибо, кэп!», но сексисты в страхе за сохранность привилегий не опознают и очевидности. Далее. Посчитайте, сколько в среднем времени в месяц уходит на пресловутое «передвигание дивана» и «вынос мусора», а сколько – на ежедневную уборку, готовку, уход за детьми (часто женщина и на даче пашет не меньше мужа – социологи говорят уже не о двойной, а о тройной нагрузке женщин – работа-дом-дача). Интересно, сколько килограмм, работая по дому, поднимает «глава семьи», а сколько «хранительница очага», – результат может оказаться неожиданным.

«Легкость труда» женщины – вообще самая омерзительная ложь патриархата. Публичная трибуна охотно муссирует тему «женщин в оранжевой форме с кувалдой» (цитата из одной сексистской дискуссии), путейщиц и асфальтоукладчиц – мол, не женская это работа, вредная для здоровья, бла-бла-бла. Но никто в таком духе не обсуждает профессиональный репродуктивный труд, связанный с уходом за тяжелобольными или не способными себя обслужить людьми, – труд сиделок, нянь и санитарок в больницах, домах престарелых, домах ребенка – а это исключительно, *100-процентно, женская занятость*. Труд этот тяжел не только в психологическом и эмоциональном аспекте, но и физически, в буквальном смысле приложения мускульной силы. Общественная риторика охотно этот труд романтизирует – если в прессе и встречается редкое

его упоминание, то под слащавым соусом – «Милосердие как призвание». А то, что женщины-санитарки ежедневно поднимают 100-килограммовых стариков – и мужчин, и женщин, – чтобы вымыть их, а потом неподъемные тюки белья тащат в прачечную – об этом пресса умалчивает¹.

Образ путейщицы «в оранжевой форме с кувалдой» диссонирует с патриархатным образом женщины как слабой невидимой обслуги, этот образ сексистов тревожит – как и образы боксерш, метательниц диска и толкательниц ядра. А няни и сиделки – ухаживающие, моющие, перестилающие – это патриархатный стандарт женщины как таковой, стандарт женщины собственно, поэтому тяжесть их труда никого не возмущает и не беспокоит. Пусть надрываются, это их предназначение и призвание².

И наконец. Патриархат репрессирует и мужчин, это правда. Для некоторых мужчин эти репрессии могут привести к самым жестоким последствиям, вплоть до смерти (мужчины совершают в среднем в 4 раза больше самоубийств, чем женщины). Но. Патриархат по определению – это система угнетения женщин, и мужчина в этой системе – субъект привилегированный. Репрессии по отношению к мужчине – комплекс социализирующих мер по воспитанию гегемона и поддержанию гегемонного поведения. С самого детства мужчину принуждают быть «сильным», «защитником», «воином», «кормильцем», «главой». С самого детства женщину принуждают быть «слабой», «нежной», «прекрасной», «скромной». Т.е. мужчину принуждают быть угнетателем, женщину принуждают быть угнетенной (двойной круг принуждения).

Сюда же примыкает и «проблема армии». «Феминистки, вы что, хотите служить в армии?» – такой же частый и такой же нелепый вопрос.

¹ Видео «Природная работа как природное счастье и природное предназначение», куда включены интервью с представительницами «репродуктивных профессий» см. здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=YPVGqghGC3o>.

² Метафорой может служить последнее «или» из данной цитаты из Трудового кодекса РФ: «Ограничивается применение труда женщин на тяжелых работах и работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах, за исключением нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию».

Мужчина служит ввиду вышеописанной схемы гендерной сегрегации: он – воин, защитник, покровитель и вообще субъект действия. Служба – это обязанность, но обязанность, сращенная с правом (правоспособностью), – а совокупность прав и обязанностей, собственно, и конституирует субъекта. Женщина «не служит» не потому, что уклонилась от службы благодаря патриархату, – ее просто никто не спрашивал. У нее нет соответствующих правомочий, и, соответственно, субъектного статуса в данной сфере. Также обстоит дело и с «вредными, опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин» (в Казахстане, например, список запрещенных для женщин профессий согласно трудовому законодательству включает около 300 наименований, среди них: водолаз, машинист тепловоза, камнетес, взрывник, машинист буровой установки и пр.). Женщина здесь, с одной стороны, конституируется как недееспособная и требующая попечения, с другой – не принадлежащая самой себе, ее воля отчуждается, ее телом и судьбой распоряжается государство. Вместо того чтобы улучшать условия труда для всех работников, государство берется контролировать женское «здоровье», т.е. тело как средство производства рабочей силы (которая затем будет умирать на вредных работах).

Вопрос службы в армии требует расширенного комментария, т.к. это многоаспектная проблема, совмещающая множество вопросов, в частности, этатистских: следует осмыслить саму необходимость обязательного призыва в армию, само существование национальной армии и государства как таковых. Подробнее о «милитаристской проблеме» читайте в тексте Мохирь Суяркуловой «Хотят ли феминистки, чтобы женщины служили в армии?».

Итого, «вечные вопросы сексиста» есть попытки отстоять патриархатный порядок, – попытки, чья неловкость и нелогичность компенсируются ангажированным рвением, но главное – осознанием того, что на стороне сексиста – тотальность патриархатной идеологии. Так же можно объяснить и интернализованную мизогинию женщин. Быть агентом дисперсной фукианской власти неудивительно, учитывая эту тотальность. Гораздо удивительнее то, что далеко не все являются такими агентами. Система не-всемогуща и работает со сбоями.

Несмотря на кажущуюся «естественность» патриархатной системы, на протяжении истории мы наблюдаем постоянные попытки сопротивления ей. Как пишет Адриан Рич о гетеросексуальности – можно такую же формулу приложить и к патриархату – «Гетеросексуальность навязывалась женщинам как путем непосредственного насилия, так и на бессознательном уровне. Но повсеместно женщины сопротивлялись этому, часто под страхом пыток, заключения, психо-хирургии, социального ostracism и крайней бедности» («Обязательная гетеросексуальность и лесбийское существование» <http://www.art-initiatives.org/?p=13218>).

Поэтому – keep calm and be a feminist.

потом на работу примет, кто замуж возьмет? Мы молчали, как рыбы. Никому не признавались, что воевали на фронте. Так между собой связь держали, переписывались. Это потом чувствовать нас стали, через тридцать лет... Приглашать на встречи... А первое время мы таились, даже награды не носили. Мужчины носили, а женщины нет. Мужчины - победители, герои, жиники, у них была война, а на нас смотрели совсем другими глазами. Совсем другими... У нас, скажу я вам, забрали победу. Тихонько выманили ее на обычное женское счастье. Победу с нами не разделили. И было обидно... Непонятно... Почему что на фронте мужчины относились к нам как к врагам, а в тылу женщины нас встречала в мирной обстановке, а нас давай косить из пулемета. И Батальона не давали нам жить, а нас давай косить из пулемета. И Батальона не давали нам жить, а нас давай косить из пулемета. И Батальона не давали нам жить, а нас давай косить из пулемета.

[illegible]

шное для меня на войне - носить мужские
мне как-то... Я не выражусь... Ну,
войне, собираешься умереть за Родину, а
выглядишь смешно. Нелепо. Мужские трусы
из сатина. Десять девочек в нашей
к. О, Боже мой! Зимой и летом. Четные

года

партизаны,

мстите без пощады!

Лола Ахметова, рядовая, стрелок

ХОТЯТ ЛИ ФЕМИНИСТКИ, ЧТОБЫ ЖЕНЩИНЫ СЛУЖИЛИ В АРМИИ?

Мохира Суяркулова

Этот вопрос часто звучит как заключительный аккорд в разговоре о равенстве с сексистами. Предъявляемый в качестве козырной карты, он и правда может поставить в тупик и заставить задуматься даже феминистку/та со стажем. Все потому, что вопрос этот находится на пересечении нескольких очень сложных политических, социальных и этических дебатов.

Но для начала давайте огласим список стандартных возражений сексистов на полное включение женщин в армию:

1. Чаще всего они ссылаются на якобы объективное физическое и психологическое превосходство мужчин над женщинами, позволяющее первым справляться с тяготами и стрессом войны;
2. Кроме того, ряд типичных сексистских возражений могут быть суммированы как утверждения о том, что присутствие женщин помешает сплоченности и товарищескому духу и эффективному функционированию армии. Многие боятся, что женщины будут подвергаться однополчан опасности, так как мужчины будут «инстинктивно» стараться их защитить. Прочие утверждают, что интеграция женщин потребует больших логистических затрат на обеспечение материальной базы и приспособления армии под их «особые» потребности. Угроза изнасилования (как со стороны врага, так и со стороны сослуживцев) также приводится в качестве «веского аргумента» против включения женщин.

Конечно же, ни одно из этих возражений не выдерживает малейшего приложения логического мышления и эмпирических данных, доступных нам сегодня. Начнем с того, что женщины уже давно служат в армии. Однако во многих странах они исключены из обязательной военной службы или в большинстве своем не подпадают под призыв

Константин Симонов

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчел
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме фашист топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога —
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтоб фашист, к ней постоем став,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его белье
И стелили ему постель...

Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, — так ее любил, —
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В столах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...

Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родины мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.
Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправдания нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Раз фашиста убил твой брат, —
Это он, а не ты солдат.

**ЗАЩИТИ
ЧЕСТЬ!**

**УБЕЙ
ЕГО!**

БОЕЦ КРАСНОЙ АРМИИ!
Ты не дашь любимую на позор
и бесчестье гитлеровским солдатам.

в военное и мирное время. Часто также существуют запреты на службу женщин в боевых подразделениях армии. Женщины вносят огромный вклад в работу вооруженных сил в ролях поддерживающего персонала – медработниц, поварих, инженеров, связисток, шифровальщиц и делопроизводительниц. Как и в других сферах человеческой деятельности, репродуктивный труд, выполняемый женщинами, не замечается и обесценивается. Может быть, поэтому у сексистов сложилось впечатление, что в армии женщин вообще нет, и никогда не было.

Традиционное понимание отводит «женщинамидетям» (Синтия Энлоэ, 1989) исключительно беспомощную роль «мирного» населения и жертв, нуждающихся в защите³, тогда как в действительности женщины (как и дети) почти всегда принимали прямое участие в боевых действиях. Только во время Великой Отечественной войны около миллиона советских женщин воевали в качестве лётчиц, зенитчиц, снайперок, разведчиц и партизанок. Однако женское участие в боевых действиях часто замалчивается как постыдное, как нечто выходящее за рамки человечности и приличий. «Нормальные» женщины в «нормальном» обществе не должны воевать, так как это пошатнет существующий гендерный порядок, обнажит его несостоятельность. Женская история Второй мировой войны, отраженная в книге Светланы Алексеевич, названной «У войны не женское лицо» (<http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt>), отражает такое двойственное отношение к участию женщин в массовом насилии как со стороны авторки, так и самих женщин-ветеранок. Показателен также в этом отношении и документальный фильм «Женское лицо войны. "Катюша"» режиссера А. Китайцева, произведенный каналом «Россия» (http://russia.tv/brand/show/brand_id/4882).

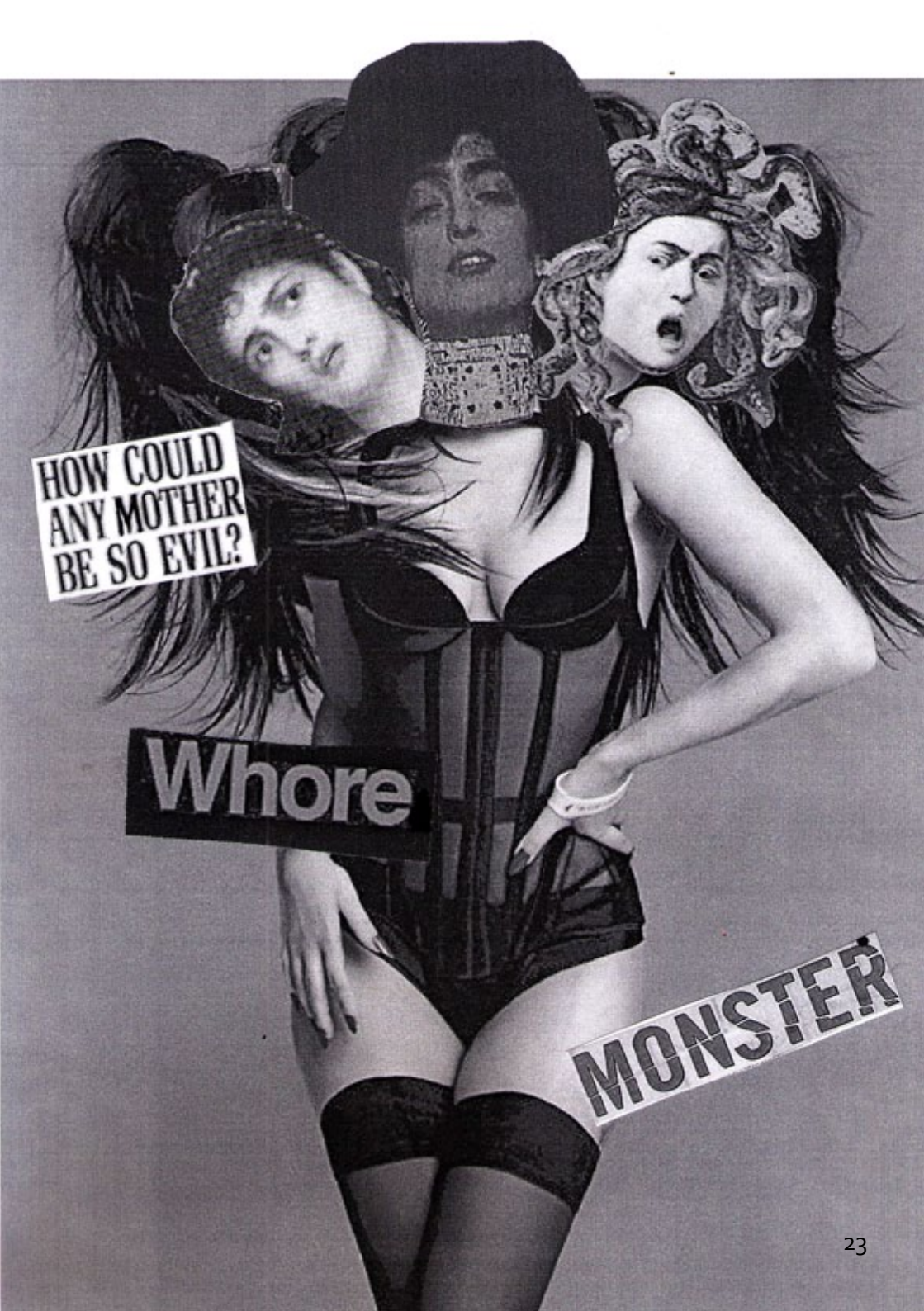
Кроме того, женщины участвуют в политическом массовом насилии и вне рамок узаконенных форм конфликта и совершают военные преступления – так называемые *шахидки* (или «черные вдовы») Чечни, женщины, руководившие и участвовавшие в геноциде в Сербии и Руанде, американские солдатки, издевающиеся над заключенными Абу Грейба, – вызывают тревогу у всех, включая многих феминисток,

³Смотри, например, стихотворение Константина Симонова, написанное перед битвой под Сталинградом «Убей его!» / «Если дорог тебе твой дом». <http://scanpoetry.ru/poetry/4786>

которым хотелось бы верить в моральное превосходство женщин. Женщины просто не должны (а, значит, не могут) быть жестокими убийцами, борцами за свободу, террористками, повстанцами и революционерками. Насилие, совершаемое женщиной, воспринимается как вдвойне ужасное, так как женщинам традиционно приписывается «природное» миролюбие, заботливость, аполитичность и пассивность.

Таким образом, насилие со стороны женщины всегда воспринимается как патология и исключение. Лора Хёбери и Карон Джентри в своей книге «Матери, монстры и шлюхи: насилие, совершенное женщинами в мировой политике» (2007) выделяют три типичных нарратива, используемых в популярном и академическом дискурсах о женщинах, совершающих акты насилия – нарратив матери, монстра и шлюхи. В нарративе «матери» женщина прибегает к насилию как результату некоей биологической судьбы, следуя так называемому «инстинкту», заставляющую ее жертвовать всем ради выполнения своего «природного» предназначения жены и матери. В нарративах, где женщины предстают «монстрами», их поведение рассматривается как патологическое, как отклонение от нормы миролюбивой женственности, в то время как метафора монстра выделяет таких женщин из человечности вообще. Наконец, нарративы, где женщины описываются с точки зрения их бесконтрольной сексуальности («шлюха»), объясняют ненормативное поведение как результат непомерного сексуального влечения и промискуитета. Во всех случаях дестабилизированное женщинами-воинами представление о том, как «должно» работать «нормальное общество», дискурсивно восстанавливается посредством отрицания субъектности женщин, совершающих насилие, описывая их поведение как иррациональное (не предполагается, что женщина могла выбрать такое поведение сознательно и самостоятельно) и концентрируя внимание на частных мотивах, а не на общественно-политическом контексте⁴. Всем аналитикам конфликтов, в том числе феминисткам, необходимо научиться видеть этих «плохих» женщин, признать их существование и начать осмысливать значение их поведения не в качестве исключения, а как часть общего феномена массового политического насилия.

⁴Laura Sjoberg and Caron E. Gentry. 2007. Mothers, Monsters and Whores: Women's Violence in Global Politics. London: Zed Books. Chapter 2, pp. 29-50.

HOW COULD
ANY MOTHER
BE SO EVIL?

Whore

MONSTER

Аргумент о физических преимуществах мужчин для несения службы просто нерелевантен в век технологий. Кроме того, физические преимущества среднестатистического мужчины над среднестатистической женщиной – в большой мере результат гендерно-обусловленной социализации в физической подготовке мальчиков и девочек, юношей и девушек, мужчин и женщин⁵. К тому же не все мужчины хотят или могут служить в армии – уклонисты, отказники, пацифисты, мужчины с ограниченными возможностями здоровья тому доказательство. Что касается тезиса о психологической и эмоциональной стойкости мужчин, нам известно, что они тоже страдают в процессе и в результате прохождения службы. Многие подвержены синдрому посттравматического стресса и часто совершают самоубийства, что указывает на то, что мужчины не обладают какой-то сверхчеловеческой способностью стоически переносить тяготы и страдания активной и регулярной службы без последствий для психики и здоровья⁶.

Полагаю, что вторая группа чисто «прагматических» возражений сексистов о неудобствах, которые присутствие женщин создаст для командования и мужчин, не стоят того, чтобы их удостаивать ответом, так как по сути своей являются хныканьем маленьких мальчиков, у которых «феминაცი отобрали мороженое» (<http://videosift.com/video/But-Im-A-Nice-Guy>).

Обратимся же, наконец, к тому, что думают феминистки по данному вопросу. В действительности, среди феминисток разных политико-идеологических уклонов нет согласия относительно желательности полного включения и интеграции женщин в институт армии. Так, последовательницы **либерального феминизма** выступают за расширение прав и возможностей и полную интеграцию женщин наравне с мужчинами во всех ролях в вооруженных силах. Либеральный дискурс видит военную службу как долг всех граждан, обязанность, выполняемую всеми в обмен на безопасность и правопорядок, обеспечиваемый государством. Таким образом, военная служба является необходимым условием включения людей в

⁵ Татьяна Щурко. «'Женский' и 'мужской' спорт: нормативы и социальные нормы». Наше Мнение. 4 июня 2014. <http://nmnby.eu/news/analytics/5506.html>

⁶ Смотрите, к примеру, статистику об американских ветеранах войн в Афганистане и Ираке. <http://www.facethefactsusa.org/facts/the-true-price-of-war-in-human-terms>

государство как полноценных членов и, как следствие, обеспечение их «права иметь права».

В конце 30-х годов XX века Вирджиния Вульф бросила вызов идее о том, что государства и армии защищают интересы всех своих граждан. В своей книге «Три гинеи» она пишет:

[Если женщина, которая является аутсайдером в любой нации, попытается осознанно подойти к вопросу своей позиции относительно войны – *в данном случае речь идет о Второй мировой – МС.*] Она поймет, что у нее нет разумных причин просить своего брата воевать от ее имени для защиты «нашей» страны. «Наша страна», скажет она, на протяжении большей части истории относилась ко мне как к рабыне; она отказывала мне в образовании и моей доле своих богатств. «Наша» страна перестанет быть моей, если я выйду замуж за иностранца. «Наша» страна не оказывает мне никакой протекции, не обеспечивает мою безопасность, она настолько бессильна, что ее противовоздушная оборона для мирного населения заключается в надписях на стенах. И потому, если ты настаиваешь на том, чтобы воевать с тем, чтобы защитить меня или «нашу» страну, давай проясним трезво и рационально между нами, что ты воюешь ради удовлетворения собственного сексуального инстинкта, которого я не разделяю, для того, чтобы добыть бенефиции, которые я никогда не разделяла и вряд ли когда-нибудь разделю; а не для удовлетворения моих собственных инстинктов или ради моей страны. Потому как, скажет аутсайдер, фактически, будучи женщиной, я не имею Родины. И как женщина я не желаю иметь Родину. Для меня, женщины, – весь мир является Родиной⁷.

Либеральные феминистки считают, что исключение женщин, как и других маргинализированных и угнетенных групп, из полноценного несения военной службы подразумевает отказ им в полноценном гражданстве. Так, в Израиле женщины-еврейки включены (хотя это включение тоже неполно и противоречиво⁸), а все граждане

⁷ Virginia Woolf. 1938. Three Guineas. Oxford World's Classics (2000). Oxford University Press. Chapter 3, p. 313 – перевод МС.

⁸ Orna Sasson-Levy. 2003. Feminism and Military Gender Practices: Israeli Women Soldiers in 'Masculine' roles. Sociological Enquiry 73(3): 440-65.

арабского происхождения исключены из институции службы в армии, указывая на их статус «недограждан», и, наоборот, интеграция этнических меньшинств и гомосексуальных мужчин послужило делу их символического включения в Американскую нацию.

Радикальные феминистки, признавая роль института армии в деле исключения женщин из полного гражданства, тем не менее, критикуют адвокатов интеграции женщин в существующие патриархатные институты, укрепляющие иерархический сексистский порядок и милитаристское-маскулинное понимание гражданства (Синтия Энлоэ, 1989)⁹. Радикальные феминистки не верят, что равноправие наступит, как только для женщин откроются врата патриархального милитаристского рая. Женщины входят в армию уже на неравных условиях и призваны стремиться достичь идеала гражданственности, основанного на ценностях маскулинной гегемонии (Лене Хансен,

⁹ Cynthia Enloe. 1989. *Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics*. Berkeley: University of California Press. 1989.

2001)¹⁰. Так, исследовательница Орна Сассон-Леви, изучавшая практики идентичности израильтянок, служащих в «маскулинных» ролях в армии, пришла к выводу, что женщины используют три главные стратегии в формировании и исполнении своей идентичности как солдаток: (1) они мимикрируют в телесные и дискурсивные практики бойца-мужчины; (2) само-отстраняются от проявлений «традиционной феминности» и (3) относятся к сексуальным домогательствам как к банальности (опошляют харрасмент в армии)¹¹. Но, несмотря на субверсивный потенциал, которым заряжены подобные трансгендерные перформативные практики¹² (Джудит Батлер, 1990), подрывающие разделение на «мужчин» и «женщин», они все же принимают маскулинность в качестве шаблона для воспроизведения, обращаясь к ней как к норме. Описанные выше практики идентичности израильтянок-солдаток, хоть и помогают им в несении службы, но никоим образом не разрушают существующий патриархатный гендерный порядок как израильских вооруженных сил, так и общества в целом. Вот почему для тех феминисток, для кого важно не только формальное равенство, но и социально-экономическая справедливость и «мир во всем мире», полная интеграция женщин в армию – ложная победа. Присутствие женщин в армии, особенно их полная интеграция в вооруженные силы, служит легитимации института как такового, придав ему ореол репрезентативности.

Так чьи же интересы на самом деле представляет государство, и чью безопасность обеспечивает армия? Кому выгодно постоянное состояние войны или подготовки к войне? Ответ **левых феминисток** на эти вопросы прост: государство и армия защищают интересы правящего капиталистического класса. В условиях глобализации мировой экономики и политики транснациональные корпорации, используя лоббирование, имеют огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств (<http://www.icij.org/project/making-killing/business-war>). Правительствам также выгоден постоянный

¹⁰ Смотри анализ фильма *Star Troopers* (1997) Лене Хансен – Lene Hansen. 2001. *Feminism in the Fascist Utopia: gender and world order in Starship Troopers*. *International Feminist Journal of Politics* 3 (2): 275-283.

¹¹ Orna Sasson-Levy. 2003. *Feminism and Military Gender Practices: Israeli Women Soldiers in 'Masculine' roles*. *Sociological Enquiry* 73(3), p. 440.

¹² Judith Butler. 1990. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge.

режим чрезвычайного положения, так как в этой ситуации властные полномочия исполнительной власти расширяются, в то время как их подотчётность перед избирателями сужается¹³. Все меры допустимы, а конституционные нормы и гарантии прав граждан могут быть попораны со ссылкой на государственную безопасность. Огромные затраты на оборону сопутствуют отступлению государства всеобщего благосостояния, обеспечения доступа к здравоохранению, образованию и социальным гарантиям для женщин по всему миру.

Государства и армии все еще не представляют интересы женщин и не обеспечивают их безопасность, где бы то ни было (http://www.unwomen-eeca.org/ru/deiatelnost/ukreplenie_lidiruiushey roli zhenshin v obespechenii mira, bezopasnosti i osushestvlenii gumanitarnoy deiatelnosti/). Частные компании, такие как Blackwater, все чаще используются для аутсорсинга военных операций, подрывая даже теоретическую связь между гражданством и военной службой. В то же время большинство солдат в американской армии – полностью состоящей из добровольцев после отмены обязательного общего призыва в 1973 году в связи с компанией гражданского неповиновения во время войны во Вьетнаме, – погибающих в войнах в Афганистане и Ираке, представляют беднейшие слои населения. В постсоветском контексте служба в армии также является чаще всего повинностью бедных – неспособных откупиться, тех, кто не получает высшее образование. В связи с неуставными отношениями в армии («дедовщиной») многие призывники получают психологические и физические травмы, некоторые даже погибают в мирное время. Советские женщины выступили против бесчеловечности армии и бессмысленности войны, организовав в 1989 году Комитет Солдатских Матерей (России) (<http://www.soldiers-mothers-rus.ru/history.html>).

¹³ О политике «чрезвычайного положения» (в английском securitisation) читай представителей Копенгагенской Школы - Барри Бузана, Оле Ваевер, Яапа де Вильде (Barry Buzan, Ole Weaver, and Jaap de Wilde. 1998. Security: A new framework for analysis. London: Lynn Reinner). Более радикальный и постструктуралистский анализ у Дэвида Кэмпбелла (David Campbell. 1992. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. University of Minnesota Press) и Лене Хансен (Lene Hansen. 2006. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. London: Routledge).

Хотя существует долгая история пацифизма в женском движении, неясно, какова же должна быть позиция левых радикальных феминисток в отношении армии. Те феминистки, которые уравнивают милитаризм и патриархат, часто невольно воспроизводят стереотипные бинарности, уравнивающие мужественность с агрессией, силой и желанием властвовать над другими, а женственность – с пассивностью, слабостью и желанием услуживать и заботиться об окружающих. Утверждая, что все женщины – «природные пацифистки», такие эссенциалистские феминистки самоотстраняются от той роли, которую женщины играют в поддержании институтов патриархата. Тем самым они позиционируются не как активные субъекты, с потенциалом протеста и активизма, а как объекты в международной политике (белл хукс, 1995)¹⁴. Такого биологического детерминизма, а также логически из него проистекающего политического тупика, можно избежать через осознание влияния и роли женщин в поддержании существующих структур власти для формулирования стратегий сопротивления. Возможно, результатом такого процесса осмысления будут альтернативы военной службе как базису гражданства.

Коллажи: Мохира Суяркулова

¹⁴ bell hooks. 1995. Feminism and Militarism: A Comment. Women's Studies Quarterly 23 (3/4): 58-64.

Визуальный комментарий:

ЖЕНСКИЙ ПОДВИГ

(по материалам журнала «Работница» 70-х гг.)

В советском идеологическом пантеоне существовали два бесспорно позитивных, отмеченных высокой символической ценностью женских образа, связанных с военной и «героической» проблематикой, – но опосредованно.

Во-первых, это **Мать героя**, производившая на свет солдат и наделенная ореолом «святости» и жертвенности (Мадонна, отдавшая дитя на закланье). Ее чествованию посвящен фоторепортаж «Работницы» (№ 10, 1975, вторая страница обложки) с открытия монумента Материнскому подвигу, возведенного в Белоруссии в 1975 г. Скульптурная группа изображает пятерых сыновей, которых мать провожает на фронт. Прототипом героини послужила женщина, лишившаяся пятерых сыновей. Несчастье матери было названо «подвигом» и удостоено памятника (*подвиг женщины* – производство субъектов так наз. *ратного подвига*). Известная циничная фраза «убивайте, бабы еще нарожают» не может найти более жуткой иллюстрации. Вспоминается, что не случайно именно в 1944 году в СССР стала особо поощряться многодетность и были учреждены: «Медаль материнства» (за воспитание пяти или шести детей), орден «Материнская слава» (от семи до девяти детей) и, наконец, звание «**Мать-героиня**» и орден «Мать-героиня» – за рождение и воспитание десяти и более детей. Т.е. героиня – та, кто рождает героев. Это фронт женщины, здесь она обретает «славу», ордена и медали.

Во-вторых, имел место нарратив **Жены героя** («жена комиссара», «жена командира», «жена коммуниста»), безропотно принимавшей все перипетии судьбы мужа и хранящей его память после смерти. Матрица этого образа – история жен декабристок, принявших лишения каторги вместе с мужьями. Судьба этих женщин также определялась как *подвиг*: «Подвиг любви и долга» – называется статья («Работница», № 12, 1975, стр. 24-26), рассказывающая о том, что жены декабристов подчас не разделяли и не понимали убеждений своих мужей, но приняли их судьбу исключительно из супружеской верности: «у декабристов – самоотвержение во имя долга перед народом... У жен – самоотвержение во имя долга нравственно-религиозного». Фрагмент стихотворения Риммы Казаковой «Жене коммуниста»: «Работница», № 10, 1975, стр. 7.

WeirdSister

МОНУМЕНТ МАТЕРИНСКОМУ ПОДВИГУ

Этот памятник из гранита и бронзы установлен в белорусском городе Жодино в честь тех советских матерей, которые благословили сыновей на ратный подвиг, на смертный бой против немецкого фашизма. Прообразом матери, запечатленной в монументе, стала жительница Жодина Анастасия Фоминична Куприянова. Пятеро ее сыновей отдали свою жизнь за свободу и счастье ныне живущих. Младший сын—Петр—удостоен звания Героя Советского Союза.

На наших снимках: торжественное открытие памятника. На торжестве присутствовала Анастасия Фоминична Куприянова, 103-летняя мать погибших героев.

Когда еще только завершались работы по картине «Знаменительный час», в Ленинграде, на студии «Фильм», было получено полемическое письмо. При этом почти целиком:

«Как же так можно! 150 лет восстания декабристов, а фильм о женах декабристов, которые в восстании участия никакого не имели, большинство из них ничего даже о готовящемся восстании не знали. Они не декабристы, а ЖЕНЫ декабристов. Отдаю им должное: это были смелые, преданные женщины, отдавшие свою жизнь в смысле лишения и страданий, для облегчения участи своих мужей. ДЕКАБРИСТОВ».

К этому юбилею ожидался фильм о ДЕКАБРИСТАХ, а не

* Сценарий В. Мотыля, О. Осетинского при участии М. Захарова. Режиссер-постановщик В. Мотыль, гл. оператор Д. Месхиев.

М. Волконская

А. Муравьева.

К. Ивашова.

Акварели Н. А. Бес

«Преодолев все преграды»

На акварельном портрете, выполненном Николаем Бестужевым, Камилла Ле Дантю, дочь гувернантки-француженки. Шестнадцатилетней девушкой попала она с матерью в богатый дворянский дом генерала Ивашева, адъютанта Суворова. Юный сын Ивашева, ротмистр Кавалергардского полка Василий Петрович не остался равнодушен к очаровательной девушке. Но разница их обще-

ственного положения была такова, что дочь бедной гувернантки могла надеяться на брак с молодым родовитым и богатым человеком.

После выступления на Сенатской площади 14 декабря 1825 года Ивашев, как заговорщик, был осужден на каторжную работу.

Камилла долго скрывала от матери свое тяжелое нервное заболевание. Решение было принято: Больших трудов стоило Ивашеву получить разрешение императора Николая I на поездку в Сибирь, на совершение брачной церемонии.

Наконец все преграды пре-

ВНУТРЕННЯЯ МИЗОГИНИЯ И ВНУТРЕННИЙ СЕКСИЗМ

Часть I

Айканыш Абылова

До какой же все-таки степени приятно низвергать патриархат. Спорить с Шопенгауэром, перечить Ницше... Приятно ощущать себя слабее телом, но никак не слабее умом и характером. Приятно потрясать наш старый устоявшийся порядок, выбивая из-под него фундамент просто одним щелчком пальцев.

Я сейчас (да и вообще) не буду расшаркиваться перед теми, кто ищет лишний повод напасть на меня, сказать, что я ненавижу мужчин, что меня обидели, что меня не любят. Раб не станет жаловаться своему господину на несправедливость жизни. Кто бы мог бы меня понять? Кому излить душу? Женщине? Матери? Подруге? Коллеге?

Реализуя на практике феминистские принципы, сталкиваешься с такими проблемами, как внутренний сексизм. Это травматичная вещь. Ты, не объясняя чего-то там феминистского на словах, просто ведя себя как свободный человек, вызываешь неприятие. Я должна признать, что я хуже мужчины и постоянно подчеркивать это. Иначе многие женщины вначале удивляются, а потом это их бесит, это их оскорбляет. «Мы считаем себя неравными мужчинам, а она вон о себе чего возомнила. Почему нам – ничего, – ей все?!»

Внутренняя мизогиния проявляется в том, что женщины считают женский пол ущербным и в то же время провозглашают себя как будто пребывающими вне женского пола.

«Я предпочитаю друзей-мужчин, потому что они интереснее, они не драматизируют».

«Я не такая глупая, как другие девушки».

«У меня мужская логика и мужской характер».

«Ненавижу бабские штучки».

«Ненавижу, когда бабы делают так».

«Подруги – это просто сучки, которые завидуют и сплетничают».

Внутренний сексизм – сведение всех женщин к одному или двум негативным стереотипам. К сожалению, девушки практикуют женоненавистничество почти так же часто, как мужчины.

«Что-то ты долго с этим возишься, попроси помочь какого-нибудь парня».

«Мы, женщины, хоть и стараемся работать с вами наравне, но мы нуждаемся, чтобы вы вели нас по жизни, руководили нами».

О внутренней мизогинии и сексизме было написано немало трудов. Наиболее известные в русскоязычной среде: Андреа Дворкин, «Женщины правого крыла» (1983) и статья Риты Эндрюс «Женщины и внутренняя мизогиния».

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И МИЗОГИНИЯ

Женщина в любом обществе осознает свою личность через отношения и связи с другими людьми, а у мужчины осознание себя через отношения с другими людьми выражено меньше.

Нэнси Чодороу

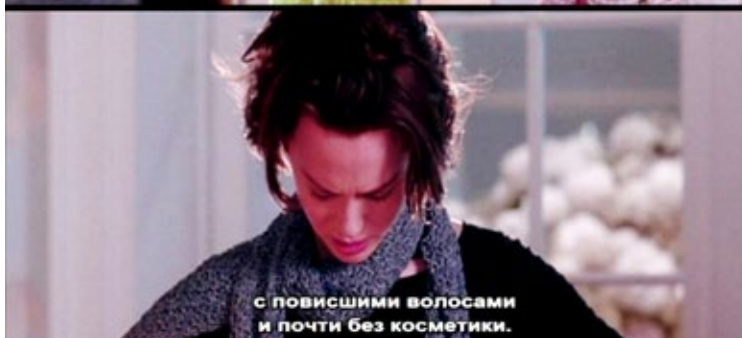
«...пятнадцатилетние девочки, сравнивая себя с мальчиками, говорили: «Мальчики лучше». Это убеждение деморализует девочек, приводит к лени и посредственности. Однажды одна девушка, не испытывавшая к сильному полу особенно сильного уважения, упрекнула какого-то мужчину в трусости. Ей возразили, что и сама она не отличается большой храбростью. «Ну! Женщина – это совсем другое дело», — снисходительно заявила она».

С. де Бовуар, «Второй пол»

«Исследования... показывают, что именно в возрасте 9–14 лет девочки с наибольшей вероятностью могут потерять уверенность в себе и представление о собственной ценности. Они становятся физически менее активными, начинают хуже учиться, пренебрежительно относятся к собственным интересам и потребностям. Зачастую это является следствием соответствующей социализации девочек».

Наталья Муфель, «Основные проблемы гендерной социализации девочек»

Я сменила, в общем и целом, 9 различных коллективов за время учебы в школе и университете. Везде авторитетами были либо девочки, либо классные руководители-женщины. Вся власть над мнениями была у

Кадры из фильма «Степфордские жены» / «The Stepford Wives»
(2004, реж. Фрэнк Оз)

женщин. Мальчикам было глубоко параллельно все, что происходило в стенах школы. Они самоутверждались в своем кругу. Мизогиния уже встроилась в их социализацию, они смотрели порно-ролики во время уроков или обсуждали фигуру одноклассницы, вышедшей к доске. Для девочек и классной же было принципиально важно научить других уважать мужской пол. Мол, да, они объективируют, но ты уважай, сила на их стороне, будущее в их руках. Признать силу мальчиков достаточным аргументом для того, чтобы их уважать – то есть продать свое мнение взамен на безопасность от нападок – было, по их мнению, вполне себе разумно.

Если парень указал тебе на твою подчиненную роль в грубой форме, реагировать на такое надо шуткой. Или как завещал Иисус – подставить вторую щеку. Нельзя проявлять агрессию или насилие – единственный язык, который понимают пубертатные одноклассники. Женщины-классные руководители поддерживали мизогинию мальчиков тем, что поощряли пассивность девочек. Почему-то читали назидательные лекции и назначали душевспасительные походы к психологу не тем, кто задирает, а тем, кого задирают. Я немало изрисовала бумаги в психологическом кабинете, где я рисовала родителей, себя, монстров и чудовищ, заполняла всяческие анкеты. «Проблема в тебе» – известный мем, показывающий, как психологи «умывают руки».

Второй аргумент, кроме силы и будущего, – это малочисленность мальчиков. От класса к классу их становилось все меньше, да и вообще мало мужского пола в природе, надо беречь, надо любить. Мои сверстницы смотрели на одноклассников как на недоразвитых, которых надо опекать. Точнее, общество, взрослые будут на их стороне, если они будут заботиться о мальчиках. Они хором поддерживали мнение, что если надо кого-то «уйти», проигнорировать, загнать, то пусть это будет девочка. Слишком много девочек, нам бы, наоборот, мальчиков поднабрать... – это я услышала, когда перешла в новый класс.

Пренебрегая собой и другими девочками, они угождают обществу в большей мере, чем другие, и за это получают власть. Наиболее авторитетные девушки следят, сплетничают, поучают друг друга, чтобы держали себя «в рамках». Чтобы делали укладки

каждое утро, носили стринги, манипулировали мужчинами и при этом не были «легкодоступными». Странно, что вообще это называется дружбой – это скорее сообщничество. Каждая сравнивает себя с другой – свою фигуру, лицо, популярность у мальчиков. Альянсы между девушками создаются скорее вокруг т.н. королев, требования которых должны быть непрерываемо исполняемы. Если у девушки нет статуса королевы, то за «несоблюдение правил» (нельзя садиться за парту, где обычно сидит королева и ее подданные, нельзя разговаривать с парнями, которые нравятся Её Величеству и т.д.) ее могут подвергнуть физической расправе или моральным издевательствам. К моральным издевательствам можно отнести и сплетни, так как они создают неблагоприятную недружественную обстановку по отношению к жертве. Не соответствовать жестким сексистским нормам в таком сообществе – травматично и чревато последствиями.

Мизогинные материалы в СМИ, откровенный сексизм в Интернете, в реалити-шоу, в соцсетях приводят девушек к идентичности товара, пытающегося спихнуть с полки другие товары. «Поскольку информационный мир детей достаточно ограничен, то те из них, кто часто и много смотрят телепрограммы, могут воспринимать телевидение как репрезентацию социальной реальности и принимать гендерно стереотипную информацию как полностью соответствующую действительности» (Наталья Муфель, «Основные проблемы гендерной социализации девочек»).

НАСТОЯЩИЕ ЛЕДИ

«Женщины, которые, с прогрессивной точки зрения, продаются как женщины взамен на одобрительное патриархальное поглаживание по голове» (<http://sadcrixivan.livejournal.com/200905.html>).

Справедливости ради надо сказать, что они получают нечто большее, чем просто поглаживание по голове. Часто они получают руководящие посты в организациях, деньги, влияние на умы масс

и тому подобные ништяки. Они обучают молодых сотрудниц своей «женской мудрости»: что мужчин надо уважать, не поворачиваться к ним срамными частями тела, не оскорблять обтягивающей одеждой в рабочей обстановке. По-матерински назидая, они учат нас, как избежать мужского гнева и «тактично и мягко повернуть все в свою сторону». Она объяснит тебе в теплой, уютной атмосфере своего кабинета, за чаем с плюшками, почему надо беречь девственность, что мужчины любят и что они не любят, что является залогом крепкой и здоровой семьи, как устранить соперницу, почему надо делать вид, что ты глупее и слабее мужчины.

В работе Дворкин «Женщины правого крыла» она описывает как раз таких «настоящих леди», стерегущих девственность и нравственную чистоту дочерей нации.

«Говоря кратко, женщины конструируются как секс. А когда женщины в целом воспринимаются как секс, то и мужчинам, и женщинам становится трудно воспринимать женщин как что-то еще. Более того, женщины перестают понимать, как они могут выжить в не связанных с сексом условиях... Именно поэтому важные противницы феминизма из правого крыла даже при наличии научных степеней и профессионального опыта зачастую обречены оставаться в розовом гетто «женских вопросов». В то же самое время мужчины из правого (и левого) крыла могут быть двоечниками без высшего образования, но это не мешает им «открывать народу глаза на правду». Повышенный уровень образования считается обязательным только для женщин, чтобы к ним отнеслись хоть с каким-то уважением»...

«Из-за этой сексуализации женщины правого крыла считают, что мир слишком опасен, если не заключить вовремя альянсов с мужчинами и не получить доступ к тем ресурсам, которые мужчины контролируют. Таким образом, объясняет Дворкин: «Они воспринимают традиционный брак как способ продать секс одному мужчине, а не сотням: очень выгодная сделка... Они прекрасно видят, что у них нет возможности заработать столько денег, чтобы обрести полную независимость от мужчин, так что им все равно придется играть в сексуальные игры: как дома, так и на работе... И в этом женщины правого крыла не ошибаются»» (Обзор книги А. Дворкин, <http://a-dworkin-ru.livejournal.com/2123.html>).

«FIGHT ! »

С тех пор как свершилась сексуальная революция, у женщин – не один и не два повода ненавидеть друг друга: они смеются над несостоятельностью друг друга как матерей, жен и хозяек, плюс репрессируют внешность и сексуальность других женщин.

«...вездесущие культурные войны женщин, которые верят в «право на жизнь» против тех, кто верит в «права женщины на выбор», или тех, кто хочет продолжить карьеру в против тех, кто хочет остаться дома с детьми или адептов грудного вскармливания против сторонников искусственного, чайлдфри против детных и бла, бла, бла» (Esther Cepeda. Too many women ignore their own misogyny).

«Общество постоянно напоминает нам, что мы недостаточно стройны (но мы не можем быть слишком худыми), слишком уродливы (но слишком много макияжа будет выглядеть «вульгарно»), что ваша одежда должна быть идеальной (но думать о моде суетливо), что вы не можете быть тряпкой (но если вы слишком своенравны, вы стерва); общество, которое кричит на нас со всех сторон: ТЫ НЕДОСТАТОЧНО ХОРОША. И потому, что мы воспринимаем друг друга как угрозу, мы рвем друг друга в клочья» (Internalized Misogyny: "I'm Not Like Most Girls!").

«Между мужчинами существует от природы простое равнодушие; между женщинами уже природная враждебность», – сказал Шопенгауэр в своем эссе «О женщинах». Безусловно, патриархату помогает, что женщины считаются неспособными поддерживать связи друг с другом. Женщины тогда вынуждены искать связи с мужчинами (дружеские, любовные, деловые).

В следующей части эссе речь пойдет о женской дружбе, женском сотрудничестве, любовницах и женах.

Использованные материалы:

Girl hate. <http://www.youtube.com/watch?v=yHYkLV1ofGM>

Internalized Misogyny: «I'm Not Like Most Girls!». <http://www.bleedingfeminism.com/2012/11/internalized-misogyny-im-not-like-most.html>

Обзор книги Андреа Дворкин «Женщины правого крыла». <http://a-dworkin-ru.livejournal.com/2123.html>

Esther Cepeda: Too many women ignore their own misogyny.
http://www.washingtonpost.com/opinions/esther-cepeda-too-many-women-ignore-their-own-misogyny/2014/06/03/d5cd4d44-eb6d-11e3-9f5c-9075d5508foa_story.html

ХОРОШАЯ
ФИГУРА!

ОНА ПРЕКРАСНА!

+28

ОГИБ

ВЫКРОЙКА

Осмысление маскулинных привилегий - это в том
И это попытка ДЕРЖАТЬ ПРИ СЕБЕ свое "личное"
поддерживающее сексуальную объективацию и
БЕЗ ВАШЕГО "МНЕНИЯ"

СЕКСИЗМ - ПЛОХО,
ЛУКИЗМ - МИЛЫЙ
ГРЕШОК!

ЭТО МОЕ ИСКРЕННЕЕ
МНЕНИЕ И ЧУВСТВО!

ЧТО ПЛОХОГО
В КРАСОТЕ?

НОМЕРА

сгиб

сгиб

сгиб

сгиб

числе понимание, что культура учит чувствовать.
мнение", сформированное патриархатом и
капиталистическую индустрию нормативной "красоты".
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЫЖИВЕТ.

Хотят ли феминистки, чтобы женщины служили в армии?

Внутренняя мизогиния и внутренний сексизм

Выкройка номера

Бишкек

Август 2014